

Надо ли учителю любить сотню своих сорванцов

Валерий СОЗОНОВ, доцент кафедры экономики и управления народным образованием Института усовершенствования учителей Республики Удмуртия

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ:

наука воспитания,
педагогическая установка,
научение победной тактике жизни,
педагогическая поддержка.

Откройте любой учебник педагогики, любое пособие для учителей и вы прочтёте о том, что основное профессиональное качество учителя — любовь к детям. Статья, которую мы вам предлагаем, опровергает этот стереотип. Вполне возможно, у автора найдётся немало оппонентов. Но задуматься над его подходом к этой проблеме, нам кажется, стоит.

Что за вопрос? Какое кощунство! — воскликнет иной педагогический пурист и забросает меня камнями. “Все сегодня ищут алгоритмы, эффективные методики, вместо того, чтобы учиться делать главное: любить своих воспитанников”, — пишет известный и уважаемый современный писатель.

Требование к учителю любить своих учеников стало у нас некоей педагогической молитвой, методологической аксиомой и существует в сознании как, пожалуй, нерушимое правило, перешедшее к нам из эпохи “коммунистического воспитания”.

Впрочем, остались и ещё столь же бессодержательные, сколь и помпезные метафоры: “педагог — архитектор и скульптор человеческих душ”, “ребёнок — не пустой сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь”, “сердце отдаю детям”, “личность может воспитать только личность” и т.д. и т.п. Какое содержание несут эти “крылатые выражения”? Насколько они технологичны? Как измерить степень реализации этих лозунгов?

На все эти вопросы нет и не может быть ответа, как не может быть ответов по поводу любого шаманства, будь оно религиозное, идеологическое или педагогическое.

Сегодня в двери школ стучатся технологии. Они предполагают реальные (достижимые), диагностичные (измеряемые) цели образования, тщательно взвешенное, посильное детям и необходимое для их сегодняшней и будущей жизни содержание образования, продуманные, методически обоснованные алгоритмы и “технологичные процессы” обучения и воспитания, основывающиеся на закономерностях детской психики. Всё это и должно приносить нужный, ожидаемый, *гарантированный* результат!

Как этого добиться? И тут-то с горечью обнаруживаешь, что мы, педагоги, теоретически весьма невежественны, мы плохо знаем природу ребёнка, законы развития, механизмы мышления и поведения, закономерности формирования мотивов. И понимаем, что сегодня науки воспитания в нашей школе нет (А.С.Макаренко мы поспешили “сдать в архив”). Есть же у нас один сплошной передовой “педагогический опыт”.

Откуда должна прийти к нам наука воспитания — от педагогов-практиков, конструирующих свои методы и приёмы по наитию? От учёных-теоретиков, прочно обосновавшихся на “педагогическом Олимпе” и узурпировавших право на педагогическую истину? Сегодня в педагогической прессе появилось много новой “гуманистической” риторики: “личностно-ориентированный подход”, “субъект-субъектные отношения”, “личностно-центрированная педагогика” и т.д. Но что означают эти новые лозунги, **как с ними работать педагогу-практику** — об этом молчок. Разговор по-прежнему ведётся на уровне, весьма далёком от технологических решений.

С этих позиций я и приглашаю коллег поразмышлять о старом, добром, донельзя гуманном суждении, которое в педагогической среде воспринимается как аксиома: педагог должен любить своих учеников.

А должен ли?.. Мы любим своих собственных детей, любим их безусловной, непосредственной и поэтому подлинной любовью — “ни за что”. Это наша плоть, кровь, в них — наши сокровенные мечты и надежды. Можно ли так же любить детей чужих — незнакомых, разных, непокорных, часто некрасивых, невоспитанных, а порой и обозлённых?

Я задавал этот вопрос в разных аудиториях сотням слушателей курсов нашего института. И все единодушно отвечали: нет, любить всех нельзя. Впрочем, среди учителей есть люди широкой души, в особенности женщины с сострадательным сердцем, которые искренне любят чужих детей, как своих, родных. Но их немного. От всех педагогов обычной, массовой школы такой “поголовной” любви ожидать и тем более требовать всё же нельзя. Да и можно ли вообще “требовать любви”?

Любовь — это чувство, а эмоции, чувства рассудку, как известно, неподвластны. Поэтому требовать от учителя того, что он выполнить не может, по меньшей мере некорректно, а по большому счёту — безнравственно. Ибо такое требование неизбежно приведёт к тяжким психологическим комплексам в виде ощущения профессиональной ущербности. В самом деле, молодой учитель, воспитанный на подобных романтических принципах, в какой-то ситуации (ученик надерзил, сорвал урок, в который раз не выполнил домашнего задания) вдруг ловит себя на мысли, что он этого ученика не только не любит, но уже терпеть не может и даже — о Боже! — ненавидит...

А все коллеги вокруг только и говорят о том, как они своих учеников любят, как с ними “душой отдыхают”. Значит, все могут, а он *не может!*.. Стало быть, я *плохой* учитель, “я не на своём месте!”. И вот оно — крушение мечты, тягостное размышление о жизненной ошибке, болезненный обвал самооценки. Вполне возможно, что подобное “открытие” вынудит молодого педагога покинуть школу или (неизвестно, что хуже!) сделает его унылым ремесленником, каких в школе, увы, немало.

Ну, хорошо, скажет бескомпромиссный читатель, тогда, наверное, необходимо строить взаимоотношения учителя и ученика на *основе уважения*? Уважение — тоже неплохая основа общения, сотрудничества. Это чувство более рациональное, более “земное”. Уважать нужно любого человека. Тем более — ребёнка. Но исследования психологов (Л.Н. Рыбакова, Е.И. Панова, Е.С. Мороз) показывают, что и здесь не всё так просто. Человек уважает другого за что-то, за какие-то его достоинства, жизненные завоевания.

Учитель готов уважать ученика добросовестного, послушного, который к тому же ещё и хорошо учится. И что особенно важно: проявляет интерес к его предмету. В противном случае всё осложняется. Туповатые, непослушные, упрямые ученики вызывают у нас непроизвольное раздражение, неприязнь, словом — всё то же отторжение.

Так что же делать учителю? Как ему быть, заложнику этого сложнейшего “человеческого фактора”, именуемого учеником?

Сегодня стало модным утверждать, что педагог должен принимать ребёнка таким, каков он есть. Душевного труда для этого никакого, и риск минимален. С этим суждением можно было бы согласиться хотя бы для того, чтобы не раздражаться от неказистого вида воспитанников, не дёргать его бесплодными требованиями, не терроризировать родителей жалобами. Но вот что заявляет классик научной педагогики А. Дистервег на этот счёт: **“Если мы принимаем воспитанника таким, каков он есть, мы делаем его хуже”**. Вот так. Ребёнок — явление изменяющееся. Маленький детский изъян в поведении завтра может превратиться в отвратительную черту характера. (Помните, у Маяковского: “Вырастет из сына свин, если сын — свинёнок”?)

Так как же нам вести себя с нашими воспитанниками? Каким правилам следовать?

Ответ на этот вопрос ещё в 20-е годы нашего века дал психолог Л.С. Выготский: “Педагоги должны относиться к ребёнку так, как будто он уже такой, каким бы вы хотели его

видеть”. А стало быть, и помогать ему стать таким. Это суждение основано на глубинных механизмах связей психики и поведения. **Оказывается, человек ведёт себя по отношению к окружающим так, как он относится к самому себе.** Скажем, если ребёнок имеет установку (отношение к себе) “я — *хороший ученик*”, то он тщательно готовится к урокам, переживает за свои оценки, старается их улучшить. “*Я благородный*” — следовательно, добр и великодушен к окружающим. Установка “я — *хороший сын*” помогает окрывать родителей заботой. И, напротив, подросток с установкой “я — *плохой ученик*” не станет учить уроки, потому что это бессмысленно, “я — *беспощадный*” — будет стараться заглушить в себе сострадание.

Взрослый с установкой “я — *хороший отец*” не будет спешить с разводом даже после крупной ссоры с женой, так как ему придётся переступить через детей и разрушить в себе и в детях очень дорогой, ценностный для него образ хорошего отца. Крушение ценностной для него установки приведёт к болезненным переживаниям, к душевной травме.

Из этой психологической закономерности вытекает некий **алгоритм педагогического взаимодействия с воспитанником**, то есть **техника воспитания**. А именно: **чтобы воспитанник был (стал) добрым, честным, ответственным, трудолюбивым и т.д., ему необходимо неустанно внушать установки, что он добрый, честный, ответственный, трудолюбивый.** Но поскольку словесные методы воспитания себя полностью скомпрометировали (мы убедились в их полнейшей несостоятельности), то ребят надо вовлекать в полноценные продуктивные дела, где бы в полной мере эти установки проявились. Надо тренировать (как это ни прозвучит странно) доброту, ответственность, трудолюбие, чтобы они вошли в привычку. Воспитание, как сказал классик, надо вести “*посредством дел, а не посредством болтовни*”.

Вот тогда положительные установки станут играть роль своеобразных **внутренних программ**, задавать школьнику достаточно жёсткий **алгоритм поведения**, которому он будет следовать безотчётно, механически — естественно. Установки — это в огромной степени инстинктивные реакции человека.

Для многих покажется совершенно нелогичным, даже абсурдным правило, которому следует опытный воспитатель: если ребёнку *не хватает воли* (он неряшлив, безответствен), ему следует говорить: “Ты же у нас ответственный человек, ты любое дело доведёшь до конца, я на тебя надеюсь больше, чем на кого-либо другого”. Драчуну он внушает: “Ты же добрый, ты всегда придёшь на помощь слабому, я тебе поручаю защищать... (того, кого он только что обидел)”. Слабоуспевающему опытный учитель не устаёт повторять: “Ты умный, способный, ты всё сможешь сделать, если постараться...” И если педагогу удастся **внушить** воспитаннику установку-убеждение, что он, воспитанник, добрый, честный, трудолюбивый, умный, способный, то он изо всех сил будет стремиться доказывать себе, а значит, людям, что он таковой. И напротив. А.П. Чехов сказал как-то, что если человеку двадцать раз сказать, что он — свинья, то на двадцать первый раз он хрюкнет.

Внушение, подражание — важнейшие инструменты воспитания. Внушение гуманных установок, увлечение высокими идеалами, подражание привлекательным жизненным примерам — всё это стоит включать в процесс созидания, “*вбрасывать*” в *подсознание* воспитанника.

Психологи могут меня упрекнуть в том, что это манипулирование ребёнком. Возможно. Только пусть докажут, что это плохо. Я называю это выращиванием в ребёнке его истинного “я”, чувства собственного достоинства как ядра человеческой личности. Это **проектирование, программирование** в воспитаннике нравственного, что заложила в нём природа. Но человек — существо и социальное, а значит, запрограммированное на взаимодействие с людьми, на согласие с ними.

Наконец, это способствует удовлетворению фундаментальных стремлений человека: потребности быть умелым, сильным, успешным. Это, если хотите, научение **победной тактике жизни**. Приступая к работе в новых классах, да и просто начиная очередной урок, попробуйте сказать ребятам, что они будут решать невероятно трудную задачу,

разбираться в очень запутанных философских проблемах, мастерить сложнейшее изделие... И к концу урока увидите: с этими трудными задачами все ребята неожиданно справятся. Вот тогда не скупитесь на добрые слова, со всей серьёзностью убедите учеников в том, что они очень умные, сообразительные, талантливые. Скажите об удовольствии работать с ними, о том, что вам повезло. И сделайте всё это искренне. В данном случае это нетрудно: ведь ребята похвалу **заслужили**.

И можно не сомневаться, что ученики, которые уходят с урока с гордостью за себя, с нетерпением будут ждать урока следующего, чтобы ещё раз пережить ни с чем не сравнимую радость победы над собой. Дейл Корнеги настойчиво советует: “Дайте, дайте человеку то, в чём он нуждается, — чувство собственной значительности”.

Обращусь и я к учителям: “Дайте, дайте ребёнку то, в чём он больше всего нуждается, — торжество победы на уроке, в кружке и чувство победителя”. Победившего себя! Так и только так следует понимать тот самый “воспитательный момент” на уроке, о котором мы столько спорим. Воспитание есть прежде всего воспитание **в ребёнке чувства собственного достоинства**.

Успех — самый лучший воспитатель, ибо даёт ребёнку главное: уверенность в собственных силах и веру в себя. “Тот, кто победил самого себя, победит весь мир”, — утверждали древние. Человек рождается не для поражений, а для побед. Ребёнок рождается для успеха.

Ну, а что касается любви, то повторю: не обязательно любить ученика.

Любовь — родительская ли, педагогическая — нередко опасное чувство. Она эгоистична, а то и агрессивна. Она требует ответной благодарности, любви, повиновения, преданности. В данном случае гораздо более действенна формула А.С. Макаренко: “Как можно больше требовательности к ученику и как можно больше уважения к нему”.

Не стоит насиловать себя вселенской любовью к детям. Технология не может быть основана на постоянной эмоциональной самоэксплуатации. “Пусть это звучит как парадокс, но беззаветно преданных современной несовершенной школе педагогов я считаю одними из самых вредных для детей”, — утверждал П.П. Блонский.

Технология должна базироваться на чётких и бесстрастных алгоритмах, **которые отражают естественные механизмы мотивации, нравственного и социального самопроявления и жизнотворчества**. Только на этой основе к воспитателю придёт успех. Осмысленная методологически, заключённая в рациональные способы и приёмы педагогического поведения, воспитательная технология с неизбежностью даст нужный *результат*. Овладеть ею могут *все* учителя, независимо от того, любят они 100 своих воспитанников (три параллели) или не любят. Это касается не только воспитания, но и обучения, где также нужны надёжные технологии, а не одна только вселенская любовь к детям.

Но вот чего ни при каких обстоятельствах учитель не должен себе позволять, как бы он ни относился к ребёнку, — это равнодушие, невнимания, грубости, унижения человеческого достоинства школьника. Издержки поведения учеников во многом обусловлены нашим к ним отношением. Физически и психически здоровые дети тянутся к людям, нуждаются в общении, стремятся нравиться окружающим, хотят быть хорошими. А путь к людям только один — культурные, общественно приемлемые формы поведения, уважение и гуманное отношение к окружающим. В наших же школах нередко сами учителя возводят барьеры на этом пути. “Дебилы”, “ослы” — это самые “невинные” характеристики, которыми награждает иной учитель учеников класса. И невдомёк такому педагогу, что “дебил” из всех сил старается быть “как все”, но у него не получается! Он хочет, но не может. Плохое, ненормальное поведение у ребёнка — это всегда поведение вынужденное. Оно спровоцировано, его заставили так вести себя, так поступать.

Кто же заставил? Почему? Как появляется “трудность” в поведении, а с нею и “трудные” дети?

У многих ребят в процессе социализации (а образование — мощнейший рычаг социализации) обнаруживаются препятствия. Они могут быть самые разные: заикание, косо-

глазие, шепелявость, рыжий цвет волос, веснушки, разный цвет глаз, излишний вес или излишняя худоба, расторможенность нервной системы, увечье, наконец. Как эту “ненорму” воспринимают сверстники? Вспомним детские клички — “Рыжий”, “Серый”, “Косолапый”, “Доходяга”, “Жиртрест”, “Косой” и т.д. и т.п. Дети так изобретательны на прозвища, так точно подмечают недостатки. Защищаясь, сверстник не всегда находит правильное поведение. И это становится серьёзным препятствием на пути взаимодействия с товарищами. Герой повести В. Аграновского рыжий Малахов (повесть “Остановите Малахова”) вместо “шишка” говорил “фыфка”, и все над ним издевательски хохотали. Любая детская “ненорма” есть препятствие в отношениях с окружающими, прежде всего — со сверстниками.

Но всегда ли учителя внимательны к этим “мелочам” во внешности, в речи школьника? Помогают ли они преодолеть эту “ненорму”? Как правило, на это обращают внимание учителя начальных классов. А в старших не до этого — успеть бы программу “пройти”... А у пятиклассника совсем иные проблемы, связанные с самым болезненным — со своей внешностью. Часто ведь (и учителя это хорошо знают) даже успешные в учёбе дети испытывают поистине танталовы муки от своих физических недостатков.

Но самая распространённая беда школьников — неуспешность в учёбе. “Двоечник”, “второгодник”, “дурачок” — на школьном языке это оценка личности ученика. Это означает “ущербный”, “плохой”, “трудный”. Это катастрофа для ребёнка и трагедия для родителей, ибо подобная оценка перечёркивает зачастую все способности подростка, все его хорошие качества.

Школьный язык — не безобидное прозвище, это некая социальная роль, которую класс, школа навязывают своему ученику. Это клеймо, выжженное калёным железом на душе, на всей психике юного гражданина. Уильям Глоссер в книге “Школа без неудачников” утверждает, что школьный неудачник — на 90% неудачник и в жизни. Освободиться от подобной социальной роли без помощи учителя ребёнку почти невозможно. Школа наша переполнена такими малыми или большими драмами, ибо хорошистов и отличников в ней не более 15–20%.

Каждый первоклассник мечтает быть отличником, он подсознательно чувствует, что учёба — это самая серьёзная “работа” по сравнению с тем, что он делал раньше. Он стал уже “большим”, у него в портфеле книги, тетради — сколько гордости от одного сознания “я — ученик”. И вдруг — первый неуспех. Учитель недоволен, родители сердятся, ребёнок растерян, подавлен. Он пребывает в психологическом дискомфорте, он старается, собирает все силы, но выше “тройки” не получается.

А в четвёртом классе появляются новые предметы, приходит много учителей и... ребёнок обречён. Он чувствует, что его усилия бесполезны, он устал бороться за себя, он ищет выход и находит его... в обмане, в подделке оценок. Он вырывает страницы дневника, уходит с уроков и т.п. В итоге: отставание, новые конфликты с учителями, разрыв с родителями. Но самое губительное во всём этом — ученик усвоил опасную позицию и жизненную тактику не преодолевать препятствие, а обходить его, обманывая всех и себя. Школьник сделал безнравственный выбор. Страшны не двойки, а отрицательная установка, потеря веры в себя, затаённая обида на всех. Обида накапливается, растёт, в характере появляются новые черты — обидчивость, раздражительность, неадекватная реактивность.

Причин столь типичному явлению множество — и несовершенство наших программ (трудных, многим детям недоступных), и отсутствие эффективных методик, и наш учительский “предметный эгоизм”. Но очень часто — невнимание, равнодушие наставника. В последние годы мы совершенно забыли о таких формах работы с детьми, как дополнительные занятия. Учителя прежних поколений тоже вряд ли любили двоечников и нарушителей дисциплины. Но сколько внимания, сколько участия, заботы проявляли по отношению к таким ребятам! И очень часто это давало положительные результаты.

Сегодня же мы всё спешим, всё форсируем усилия детей и в этом программном маршале не замечаем слабых и отстающих...

Бог с ними, с оценками! В конце концов есть же у таких детей другие добрые качества. Но всё дело в том, что плохие оценки разрушают всю жизнь школьника. Его не принимают, не уважают, у него нет друзей среди сверстников. В особенности это страшно в подростковом возрасте: обида переходит в злобу, неуверенность оборачивается дерзостью, агрессивностью, когда школьник начинает завоёвывать уважение силой кулака, жестокостью. Вначале это помогает, повышает “рейтинг” в классе. Но скоро приводит к ещё большему отторжению коллективом. Жестокость, бравада уже не помогают, а по-другому вести себя школьник уже не может...

Нездоровая, неадекватная “Я — концепция”, где рассогласованы оценка и самооценка, отношение к себе и к миру, начинает руководить человеком, разрушая его нравственную сферу. Прежде школьник переживал свои дурные поступки, теперь он даже ощущает удовольствие. Формируется опасное и нездоровое мировосприятие: мир видится средоточием несправедливости, жестокости, лицемерия, подлости. Всё это формы самозащиты, ведь только так можно оправдать собственную человеческую несостоятельность и сохранить самоуважение. Детские установки переходят с годами и ко взрослому человеку. Он становится вечным борцом за справедливость, сеющим вокруг себя конфликты, вечным “экспроприатором экспроприаторов”, вечным ловцом женской любви (гиперсексуальность, как известно, — обратная сторона неудачливости в чём-то), циником и брюзгой. И как крайняя степень конфликта с миром и людьми — уход в алкоголизм и наркоманию.

Таковы этапы этого специфического “заболевания” и саморазрушения личности школьного периода. “Заболевание” протекает аналогично любому другому — от стадии невидимой до степени почти безнадежной.

Многие ребята нуждаются в педагогической поддержке. Термин этот нынче моден, но в основном на уровне деклараций. А каковы формы педагогической поддержки? Как её оказывать ребятам повседневно? Эта проблема давно нуждается в подробнейшем научном осмыслении, а школа — в чётких рекомендациях: как, что и когда надо делать.

Сегодня, правда, эта проблема решается довольно просто — школа “выдавливает” таких ребят из своих стен. По разным данным, от двух до четырёх миллионов подростков выброшены из стен школы по причине неуспеваемости и плохого поведения. Эти четыре миллиона изгоев, пополняющих ряды “крими”, — целый Санкт-Петербург! — наш с вами, коллеги, брак. Это результат нашего невнимания к детям, равнодушия к их судьбе.

Поэтому закончу, с чего начал: не надо любить всю сотню ваших сорванцов — не хватит сердца. Но вот думать о каждом, заботиться, проявлять по малейшему поводу “ненормы” тревогу, оказывать поддержку — это, простите, входит в перечень наших профессиональных обязанностей.

Учителю с чёрствой душой нечего делать в школе.

г. Ижевск Республики Удмуртия